

♦ ИВАН ♦

ХЕМНИЦЕР

Школьное чтение

СТРЕКОЗА · БАСНИ

Одобрено
лучшими учителями

Издательство АСТ

Иван Иванович Хемницер
Стрекоза. Басни
Серия «Школьное чтение (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70078435
Стрекоза. Басни / Иван Хемницер: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-159433-6

Аннотация

К сожалению, сегодня личность и творчество Ивана Хемницера практически преданы забвению. А между тем роль этого человека в русской литературе уникальна. Именно он, переводчик, поэт, баснописец большинством критиков признан не только предшественником, но и вдохновителем знаменитого И. А. Крылова. В настоящий сборник вошли избранные произведения автора.

Содержание

Барон	5
Благодеение	9
Благой совет	11
Богач и бедняк	13
Боярин афинский	16
Буквы	19
Великан и карлики	21
Воин	23
Волк и неволя	25
Волчье рассуждение	29
Два богача	31
Два волка	35
Два купца	38
Два льва соседи	41
Два соседа	44
Дворная собака	47
Делёж львиный	50
Дерево	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Иван Хемницер Стрекоза. Басни

Школьное чтение

*В оформлении обложки были использованы фотографии
Shutterstock/FOTODOM*

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Барон

Жил был скупой богач,
и у него один Был сын.
Отец его скончался;
Наследства миллион
молодчику достался,
И захотел сынок, имевши
миллион,
Бароном сделаться, —
и сделался барон
Баронство куплено.
Теперь задумал он
Быть сверх того еще
и знатным господином
И слыть бароном с чином.
Хоть знатных он людей
достоинств не имел,
Да он их представлять умел;
И всё собирался и хотел
Министром быть при кабинете,
Чтоб в царском заседать совете,
Иль славным полководцем быть
Барон! достоинство
за деньги не купить!
Но всё барон не мог решиться,

К чему бы лучше прилепиться,
Где б больше чести достигнуть:
Министром быть ли добиваться
Иль в полководцы домогаться?
И так в намереньях
одних живет барон,
А всё достоинство барона —
миллион.

Он удивленье был народов
Толпою гайдуков своих
и скороходов;
Доходами его почти
весь город жил,
Он в золото себя
и слуг всех обложил;
И ежели когда в карете
проезжался,
То больше лошадей своих
он величался.
Льстецам он покровитель был
И ревностно тому служил,
Кто, ползая пред ним,
его о чем просил;
А кто поступки все
и вкус его хвалил,
Талантами его бесстыдно
восхищался,
Тот верно помещен
в число друзей тех был,

Которые на счет баронов
ели, пили,
Смеясь в глаза, его хвалили;
И в тот же самый час
мешки его щечили,
Как уверяли все его,
Что против глаз таких,
какие у него,
И Аргусовы ничего.

Надолго ль моту миллиона?
Ему другого нет закона,
Как только чтоб по воле жить,
Страстям и прихотям служить.

Барон наш перестал
уж больше говорить,
Министром, полководцем быть,
И только к роскошам
одним лишь прилепился;
Пил, ел и веселился.
А как весь миллион баронов
истощился,
То стал опять ничто барон,
Таков, как был и прежде он;
Без денег он от всех
оставлен очутился,
И доказал своим житьем
Барон наш правду эту всем,

Что детям только зла
родители желают,
Когда лишь им одно
богатство оставляют:
Богатство – пагуба и вред
Тому, в ком воспитанья нет.

Благодеение

Весьма похвально поступает,
Кто бедным помогает;
И лучше самому хоть
с нýждою прожить,
Чтоб бедным уделить.

Смирена так разбогатела,
Что чистым золотом
вдруг миллион имела.
Достаток сей
Достался по духовной ей.
«Ну, – говорит, – теперь
ничто не помешает
Мне в нýжде бедным помогать.
Есть чем, хвала творцу
за благодать!
Пускай лишь только пожелает
Кто помощи моей».

Лишь только молвила —
и нищий у дверей.
«Подайте милостину!» —
просит,
И просьбу с жалостью

такую произносит,
Что всяк бы тронут был.

Смирена, меры нет,
Что чувствует и как
за нищего страдает.
«Суди бог, – говорит, —
кто бедных покидает!»
И нищему большой
гнилой сухарь несет.

Благой совет

Детина молодой, задумавши
жениться,
Об этом рассудил
у старика спроситься,
Какую он жену ему
присудит взять.
«Я, право, сам, дружок,
не знаю,
Какой тебе совет подать.
Я вот как рассуждаю:
С которой стороны
ни станешь разбирать,
Весьма легко случится
В женитьбе ошибиться.
Какую хочешь ты,
чтоб за тебя пошла?
Красавица ль тебе,
богатая ль мила,
Иль знатного отца
чтоб дочь она была?
Какая для тебя по мыслям?
я не знаю.
Да вот ученую еще я позабыл».
– «Не то ведь, старичок,

чего я знать желаю.

Я для того тебя спросил,
Какую взять жену решиться,
Чтоб без досады с ней
и без хлопот ужиться».

— «А если так, то знай:
какую ни возьмешь,
Досады и хлопот
с женою не минешь».

Богач и бедняк

Сей свет таков, что кто богат,
Тот каждому и друг и брат,
Хоть не имей заслуг, ни чина
И будь скотина;
И кто бы ни был ты таков,
Хоть родом будь из конюхов,
Детина будешь как детина;
А бедный, будь хоть из князей,
Хоть разум ангельский имей
И все достоинства
достойнейших людей, —
Того почтения не дождетсЯ,
Какое богачу всегда
уж воздается.

Бедняк в какой-то дом пришел,
Который ум и чин
с заслугами имел;
Но бедняка никто
не только что не встретил,
Ниже никто и не приметил,
Иль, может быть, никто
приметить не хотел.
Бедняк наш то к тому,

то к этому подходит,
Со всеми разговор
и так и сяк заводит,
Но каждый бедняку в ответ
Короткое иль да, иль нет.
Приветствия ни и ком
бедняк наш не находит;
С учтивством подойдет,
а с горестью отходит.
Потом,
За бедняком,
Богач приехал в тот же дом,
И не имел богач сей
ни заслуг, ни чина,
И был прямая он скотина.
Что ж? богачу сказать
нельзя какой прием!
Все встали перед богачом,
Всяк богача с почтением
встречает,
Всяк стул и место уступает,
И под руки его берут;
То тут, то там его сажают;
Поклоны чуть ему
земные не кладут,
И меры нет как величают.

Бедняк, людей увидя лесть,
К богатому неправу честь,

К себе неправое презрение,
Вступил о том с своим
соседом в рассуждение.

«Возможно ль, —
говорит ему, —
Что так людей богатство
ослепляет!

Достоинства того,
кто беден, помрачает,
А кто богат, того пороки
прикрывает.

Куды как это огорчает!» —
«Дивишься ты чему! — Другой
на это отвечает. —
Достоинств ведь займы
не ищут никогда,
А денег завсегда».

Боярин афинский

Какой-то господин,
Боярин знатный из Афин,
Который в весь свой век
ничем не отличился
И никакой другой заслуги
не имел,
Окроме той одной,
что сладко пил и ел
И завсегда своей породой
возносился, —
При всем, однако же, хотел,
Чтоб думали, что он
достоинства имел.

Весьма нередко то бывает:
Чем меньше кто себя
достойным примечает.
И, право бы, в слуги
к себе негоден был,
Когда бы родом он
боярином не слыл, —
Тем больше требует почтенья
и желает
В том самом городе,

где барин этот был,
Какой-то стихотворец жил,
Который пел мужей,
делами именитых,
Не титлами пустыми
отменитых.
Писателя сего боярин попросил,
Чтоб нечто и в его
он славу сочинил.
«Когда, – писателю
вельможа говорил, —
Вы что-нибудь мне в славу
сочините
И мне ту сделаете честь,
Прославиться и вам
тут также случай есть».
В ответ писатель: «Извините,
Я всею бы душой вам
в этом услужил,
Но сделать этого никак
мне невозможно,
Затем что я зарок
такой уж положил,
Чтоб не из подлого
ласкательства и ложно
Стихи на похвалу
кого-нибудь писать,
Но ими истинны заслуги
прославлять».

Буквы

Чтобы ученых отучить
В словах пустых искать
и тайну находить,
Которую они, по их речам,
находят
И в толки глупые свои
других заводят,
Царь у себя земли одной
Их шуткой осмеял такой:
Под городом одним
развалины стояли,
Остатки башен городских,
А около обломки их,
Землей засыпаны, лежали.
На сих обломках царь,
ученым в искушенье,
Исечь по букве приказал;
Потом те буквы на решение
За редкость по своим
ученым разослал.
«Посмотрим, – царь сказал, —
Какое выведут ученые значение.
Уж то-то толки тут
Пойдут!»

И подлинно, пошли.
Хлопочут, разбирают,
Чтоб тайный смысл
найти словам,
Рассылка букв по всем
ученым и землям;
Все академии к решению
приглашают,
Записки древностей,
архивы разбирают;
Газеты даже все
о буквах говорят;
Робята все об них
и старики твердят;
Но мрачность древности
никто не проникает.
Царь наконец, хотев
их глупость обличить,
Всем приказал к себе
своим ученым быть
И заданные сам им буквы
объясняет.
Весь смысл неразрешимых слов
Был тот: здесь водопой ослов.

Великан и карлики

Купались карлики.
К ним великан пришел,
Который тож хотел
Купаться.
Да видит, для него река
В том месте,
где они купаются, мелка.
Их спрашивать и добиваться:
Не знают ли, где глубина?
«Поди туда, – ему сказали, —
Вот там она».
И место указали.
Однако же река
Для великана всё мелка,
Чтобы купаться.
Еще у них он добиваться.
«Ну, – говорят, —
так там такая глубина,
Что не найдешь и дна!
Мы через это место плыли».
Но всё, где карлики
и дна не находили,
Вброд переходит великан.

Иному и в делах
лужайка – океан.

Воин

Во Франции, никак,
я, право, позабыл,
Из воинов один, который
заслужил,
Чтоб он пожалован
крестом воинским был,
Не получил сего, однако,
награжденья,

Хоть часто кавалером стал
Кто от сраженья
Не раз бежал;
Да чрез друзей чего иной
не получал?
Прямая иногда заслуга
не заслуга,
Когда предстателем
кто не имеет друга.

Достойный воин сей
свою обиду сносит
И награждения приличного
не просит.
Увидев воина, герой

Другой,
Который, с ним служа,
не раз при том случался,
Как с неприятелем, бывало,
тот сражался
И побеждал его:
«Возможно ль, – говорил, —
Что ты еще креста не получил,
Когда уж двадцать раз
его ты заслужил?
Я, право, в просьбу
бы вступил:
Авось-либо тебе его
и дать прикажут».
– «Нет, – отвечал другой, —
пускай мне лучше кажут,
За что креста я не прошу,
А нежели за что
я крест ношу».

Волк и неволя

Волк, долго не имев
поживы никакой,
Был тощ, худой
Такой,
Что кости лишь одни да кожа.
И волку этому случись
С собакою сойтись,
Которая была собой росла,
пригожа,

Жирна,
Дородна и сильна.
Волк рад бы всей душой
с собакою схватиться
И ею поживиться,
Да полно, для того не смел,
Что не по нем была собака
И не по нем
была бы драка.
И так со стороны учтивой
подошел,
Лисой к ней начал подбиваться,
Ее дородству удивляться
И всячески ее хвалить.

«Не стоит ничего тебе
таким же быть, —
Собака говорит, — как скоро
со согласишься
Идти со мною в город жить.
Ты будешь весь иной
и так переродишься,
Что сам себе не удивишься.
Что ваша жизнь и впрям?
Скитайся всё, рыщи
И с горем пополам поестъ
чего ищи;
А даром и куском
не думай поживиться:
Всё с бою должно взять;
А это на какую стать!
Куды такая жизнь годится?
Ведь посмотреть, так в чем
душа-та, право, в вас?
Не евши целы дни,
вы все как испитые,
Поджарые, худые.
Нет, то-то жизнь-та как у нас!
Ешь не хочу всего, чего
душа желает:
После гостей
Костей, костей,
Остатков от стола,

так столько их бывает,
Что некуды девать!
А ласки от господ —
уж подлинно сказать!»

Растаял волк, услыша
весть такую,
И даже слезы на глазах
От размышления о будущих
пирах.

«А должность отправлять
за это мне какую?» —
Спросил собаку волк. —
«Что? должность? ничего! —
Вот только лишь всего,
Чтоб не пускать на двор
чужого никого,
К хозяину ласкаться
И около людей домашних
увиваться».

Волк, слыша это всё,
не шел бы, а летел;
И лес ему так омерзел,
Что про него уж он
и думать не хотел,
И всех волков себя
счастливее считает.

Вдруг на собаке он

дорогой примечает,
Что с шеи шерсть
у ней сошла.
«А это что такое,
Что шея у тебя гола?»
— «Так, это ничего, пустое».
— «Однако нет, скажи».
— «Так, право ничего.
Я чаю,
Это оттого,
Когда я иногда на привязи
бываю».
— «На привязи? —
тут волк вскричал. —
Так ты не всё живешь
на воле?»
— «Не всё; да полно, что
в том нүжды?» — пес сказал.
— «А нүжды столько в том,
что не хочу я боле
Ни за́ что всех пиров твоих;
Нет, воля мне дороже их,
А к ней на привязи,
я знаю, нет дороги!» —
Сказал, и к лесу дай бог ноги.

Волчье рассуждение

Увидя волк, что шерсть
пастух с овец стрижет,
«Мне мудрено, – сказал, —
и я не понимаю,
Зачем пастух совсем
с них кожу не дерет?
Я, например, так я
всю кожу с них сдираю,
И то ж в иных дворах
господских примечаю, —
Зачем бы и ему
не так же поступать?»

Слон, волчье слыша
рассуждение,
«Я должен, – говорит, —
тебе на то сказать:
Ты судишь так, как волк;
а пастухово мнение —
Овец своих не убивать.
С тебя, да и с господ иных
примеры брать —
Не будет наконец
с кого и шерсть снимать».

Два богача

Два были богача, и оба
в тяжбе были;
Причины же прямой
я не могу сказать:
Кто может всё подробно знать?
К тому же толк иным делам
приказным дать
Не так-то чтоб легко.
Иные говорили,
Что спор их из куска земли;
Другие,
Что будто бы долги какие
Прапрадедов своих
друг на друга начли.

Таким-то и тягаться,
Которым кошелек
поможет оправдаться
И у судей закон и совесть
откупить;
А недостаточные знают:
Без денег, как на торг,
в суд незачем ходить.
Приказной формою

дела их в суд вступают,
И каждой стороне
их стряпчие ласкают,
Что в пользу дело окончают.
Проходит год, другой,
и близь десятка лет,
Конца, однако, делу нет.
Ужли судьи их сговорились
Так долго дело не решить?
Вот тотчас клеветать
и на судей вносить,
И думать, что они
из взятков согласились...
Как будто бы нельзя
другим причинам быть,
Что дело тихо шло.
Ну, как тут поспешить?
С год, говорят, по нем
в одних архивах рылись.
В том самом городе,
где спор происходил,
Какой-то живописец был,
Который написал
на богачей картину
Так, что нагими их
он в ней изобразил

И выставил в народ.
Все спрашивать причину,

Весь город толковать
и говорить об них,
И только что речей
о богачах нагих.
Дошло о том до богачей самих.
Пошли смотреть картину
И видят: дело так.
Тронúло это их:
Неудивительно.
Готовы уж прошение
На живописца подавать,
Чтобы бесчестие взыскать,
И, в тяжбе будучи,
другую начинать.
«Как, – говорят, – снести
такое поношение!»
Пошли его спросить,
однако, наперед.
«Пожалуй, – говорят, —
скажи, что за причина,
Что в поруганье нам
написана картина
И выставлена в свет?
Что, разве ты, мой друг,
сочел нас дураками,
Чтоб насмехаться так
над нами?»
«Нет, – живописец
им сказал, —

Не с тем картину я писал,
Чтоб мне над вами насмехаться;
А только вам хотел
картиною сказать,
Чего вам должно ожидать,
Когда еще вы станете тягаться».

Два волка

Два волка при одном
каком-то льве служили
И должности одни
и милости носили,
Так что завидовать,
кто только не хотел,
Ни тот, ни тот из них
причины не имел.
Один, однако, волк
всё-на-всё быть хотел
И не терпел,
Что наравне с своим
товарищем считался.
И всеми средствами
придворными старался
Товарища у льва
в немилость привести,
Считая, например,
до этого дойти
То тою,
То другою
На волка клеветою.
Лев, видя это всё,
однако всё молчал,

С тем, до чего дойдет;
а сверх того считал,
Как волчья клевета
без действия остается,
Волк, больше клеветать устав,
и сам уймется.

А этот лев, как всяк
о том известен был,
Не так, как львы,
его товарищи другие,
И в состоянии людском
цари иные,
Наушников держать
и слушать не любил.
Неймется волку; всё приходит
И на товарища то то,
то это взводит.

Наскучил наконец лев
волчьей клеветой
И думает: «Не так
я поступлю с тобой.
Ты хочешь клеветой подбиться,
Чтобы товарища
в немилость привести
И милости один нести, —
На самого ж тебя
немилость обратится.
Нет, ошибаешься,
когда ты так считал».

И тотчас отдал повеленье,
Чтоб волк, которого другой
оклеветал,
За службу получил
двойное награждение
И должность лучше той,
какую исправлял;
Другого ж от двора
под строгое смотренье
Сослав безо всего,
двойную должность дал.
Я б после этого придворным
всем сказал,
Как маленьких дворов,
так и больших: «Смотрите!
Чтоб с волком не иметь
вам участи одной,
Друг на друга не клеветите;
А вы частехонько
живете клеветой!»

Два купца

Кашей, ты дурно поступаешь,
Когда лишь в то живешь,
что деньги собираешь
И первым их своим
блаженством почитаешь.
Ну, если час такой найдет,
Что деньги есть, да хлеба нет?
Вот ты мне смехом отвечаешь,
Да смех твой, может быть,
пройдет,
Дай только рассказать
мне нечто наперед.

В каком-то городе
два человека жили,
Которы промыслом купцами
оба были.
Один из них в то только жил,
Что деньги из всего копил;
Другой доход свой в хлеб
оборотить старался.
Богатый деньгами
товарищу смеялся,
Что он всё хлебом запасался.

Товарищ смех его
спокойно принимал
И хлебный свой запас
всё больше умножал.

Вдруг войско к городу
с осадой подступило,
С осадой наконец и голод
наступил.

Теперь, что у кого запасу,
к счастью, было,
Тот тем в сей крайности
и жил.

Богатый деньгами кашей
без хлеба был,
Купить его ко всем
по городу метался,
За хлеб один кашей
все деньги отдает,
Однако же никто и денег
не берет:
Что в деньгах, если хлеба нет!

Товарищ лишь один
прибежищем остался.
Кашей в числе других
несчастных первый был,
Который хлеба попросил
У самого того, кому

он насмехался,
Что тот всё хлебом запасался.
Товарищ и его питал,
И прочих жителей
от голода спасал.

Как город взяли,
Всех жителей живых застали,
А у кашея всё богатство
обобрали.
«Ну, что? – ему тогда
товарищ говорил. —
Где золото твое, и где бы
сам ты был,
Когда б я хлеба не копил?»

Два льва соседи

Два льва, соседи меж собой,
Пошли друг на друга войной,
За что, про что —
никто не знает;
Так им хотелось, говорят.
А сверх того, когда лишь
только захотят, —
Как у людских царей,
случается, бывает, —
Найдут причину не одну,
Чтоб завести войну.
Львы эти только в том
от них отменны были,
Когда войну они друг другу
объявили,
Что мира вечного трактат,
Который иногда
не служит ни недели,
Нарушить нужды не имели, —
Как у людских царей
бывает, говорят, —
Затем что не в обыкновеньи
У львов такие сочиненьи.
Итак, один из этих львов

Другого полонил
и область и скотов.
Привычка и предубеждение
Свое имеют рассуждение:
Хотя, как слышал я о том,
Житье зверям за этим львом
Противу прежнего
ничем не хуже стало
(Не знаю, каково
прошедшее бывало),
Однако каждый зверь
всё тайным был врагом,
И только на уме держали,
Как это им начать,
Чтоб им опять за старым, быть.
Как в свете всё идет
своею чередою, —
Оправясь, старый лев
о том стал помышлять
Войною возвратить,
что потерял войною.
Лишь только случай изменить
Льву звери новому сыскали,
Другого случая не ждали:
Ягнята, так сказать,
волками даже стали.
Какую ж пользу лев
тот прежний получил,
Что на другого льва

войною он ходил?

Родных своих зверей,

воюя, потерял,

А этих для себя не впрок
завоевал.

Вот какова война: родное
потеряй,

А что завоевал, своим
не называй.

Два соседа

Худой мир лучше доброй ссоры,
Пословица старинна говорит;
И каждый день
нам тож примерами твердит,
Как можно не вплетаться
в споры;
А если и дойдет
нечаянно до них,
Не допуская вдаль,
прервать с начала их,
И лучше до суда,
хотя ни с чем, мириться,
Как дело выиграть
и вовсе просудиться
Иль, споря о гроше,
всем домом разориться.
На двор чужой свинья
к соседу забрела,
А со двора потом
и в сад его зашла
И там бед пропасть накутила:
Гряды изрыла.
Встревожился весь дом,
И в доме беганье, содом:

«Собак, собак сюда!» —
домашние кричали.
Из изб все люди побежали
И свѣнью ну травить,
Швырять в нее, гонять и бить.
Со всех сторон
на свѣнью напустили,
Поленьями ее, метлами,
кочергой,
Тот шапкою швырком,
другой ее ногой
(Обычай на Руси такой).
Тут лай собак, и визг свиной,
И крик людей, и стук побой
Такую кашу заварили,
Что б и хозяин сам
бежал с двора долой;
И люди травлю тем решили,
Что свѣнью наконец убили
(Охотники те люди были).
Соседы в тяжбу меж собой;
Непримиримая
между соседов злоба;
Огнем друг на друга
соседы дышат оба:
Тот просит на того
за сад изрытый свой,
Другой, что свѣнью затравили;
И первый говорил:

«Я жив быть не хочу,
чтоб ты не заплатил,
Что у меня ты сад изрыл».

Другой же говорил:

«Я жив быть не хочу,
чтоб ты не заплатил,
Что свѣнью у меня мою
ты затравил».

Хоть виноваты оба были,
Но кстати ль, чтоб они
друг другу уступили?
Нет, мысль их не туда;
Во что б ни стало им,
хотят искать суда.

И подлинно, суда искали,
Пока все животы судьям
перетаскали.

Не стало ни кола у истцев,
ни двора.

Тогда судьи им говорили:
«Мы дело ваше уж решили:
Для пользы вашей и добра
Мириться вам пора».

Дворная собака

Жила у барина собака
на дворе
В таком довольстве и добре,
В каком, бывало,
жил чернец в монастыре;
Всего же боле,
Что жить могла на воле.

Сосед, который в дом
к боярину ходил,
Собаку эту полюбил,
Да как достать ее, не знает:
Просить боярина об ней
ой не хотел,
Украсть ее —
бездельством счел.

«Нет, надобно, —
он рассуждает, —
Скромнее поступить
И тонким образом
собаку ту сманить».
Бездельство тонкое
бездельством не считает.

И всякий раз, когда,
бывало, ни придет,
Речь о собаке заведет,
При ней самой ее
как можно выхваляет,
А барину пенять начнет,
Что содержание ей
у него худое:
«Нет, у меня житье
ей было б не такое;
Иного я куска
и сам бы есть не стал,
Да этой бы собаке дал,
Всегда бы спать с собою клал.
А у тебя она лишь
кости подбирает
И как случится спит».

Всё, что сосед ни говорит,
Собака правдою считает
И думает: «Что?
может быть, и впрям
Еще мне лучше будет там,
Хоть хорошо и здесь...
отведать бы пуститься;
А худо – и назад ведь
можно воротиться».
Подумала, да и с двора долой,
К соседу прямо прибежала.

Живет дней несколько,
и месяц, и другой;
Не только что куска того
не получала,
Которого, сосед сказал,
Не съел бы сам,
а ей бы дал, —
И костью с нүждою случится
Собаке в праздник
поживиться.
Спать – хуже прежнего спала;
А сверх того
еще привязана была.
И поделом: зачем сбежала?
Вперед, собака,
знай, когда еще не знала,
Что многие умеют мягко
стлать,
Да жестко спать.
Собаки добрые с двора
на двор не рыщут
И от добра добра не ищут.

Делёж львиный

Осел с овцой, с коровой
и с козой
Когда-то в пайщики вступили
И льва с собою пригласили
На договор такой,
Что если зверь какой
На чьей-нибудь земле,
случится, попадется
И зверя этого удастся изловить,
То б в случае таком
добычу разделить
По равной части всем,
кому что доведется.

Случись,
Олень к козе в тенета попадись.
Тотчас друг другу повестили,
И вместе все оленя задушили.
Дошло до дележа.
Лев тотчас говорит:
«Одна тут часть моя
и мне принадлежит
Затем, что договор
такой мы положили».

— «Об этом слова нет!» —

«Другая часть моя,

Затем что я

Львом называюсь

И первым между вас считаюсь».

— «Пускай и то!»

— «И третья часть моя

По праву кто кого храбрее.

Еще четверту часть

беру себе же я

По праву кто кого сильнее.

А за последнюю лишь только

кто примись,

То тут же и простись».

Дерево

Стояло дерево в долине,
И, на судьбу свою пеняя,
говорит,
Зачем оно не на вершине
Какой-нибудь горы стоит;
И то ж да то же
всё Зевесу докучает.
Зевес, который
всем на свете управляет,
Неудовольствие от дерева
внимает
И говорит ему:
«Добро, переменю
твое я состоянье,
Ко угожденью твоему».
И дал Вулкану приказанье
Долину в гору пременить;
И так под деревом
горою место стало.
Довольным дерево
тогда казалось быть,
Что на горе стояло.

Вдруг на леса Зевес

за что-то гневен стал,
И в гневе приказал
Всем вётрам на леса пуститься.
Уж действует свирепых
ветров власть:
Колеблются леса,
листы столпом крутятся,
Деревья ломаются, валятся,
Всё чувствует свою погибель

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.